

Изумительный Морис и его ученые грызуны

Автор:

[Терри Пратчетт](#)

Изумительный Морис и его ученые грызуны

Терри Пратчетт

Плоский мир

Гениальный план, и всё продумано до мелочей. Сначала стая крыс наводняет город, устраивает его обитателям веселую жизнь, а потом является мальчик-простак с дудочкой (в сопровождении полосатого кота), за хорошие деньги выводит крыс из города, и все счастливы.

Деньги же потом делятся между котом по имени Изумительный Морис (на пенсию с домиком и добросердечной старушкой), Кланом крыс (на дело создания Крысиной Республики) и мальчиком, причем большую же часть прибирает к лапам эгоистичный котище, так как именно его криминальному таланту операция и обязана своим успехом.

Но однажды план идет наперекосяк.

В Дрянь-Блинцбурге, что в землях Убервальда, они сталкиваются с Злокознией Грымм (внучкой тех самых Сестер Грымм), с Крысоловом № 1 и Крысоловом № 2 и на десерт – с настоящим Волшебным Дудочником. А в подвалах и подземельях обитает нечто темное и страшное. Тьма предъявляет свои права, и никто из Ученых Грызунов не знает, как ей противостоять, и кто-то должен пожертвовать своей жизнью...

Терри Пратчетт

Изумительный Морис и его ученые грызуны

Terry Pratchett

THE AMAZING MAURICE AND HIS EDUCATED RODENTS

Copyright © Terry & Lyn Pratchett, 2001.

First published as 'The Amazing Maurice and His Educated Rodents' by Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd.

Серия «Терри Пратчетт»

Разработка серии Ильи Саукова

Иллюстрация на переплете Анатолия Дубовика

© С. Лихачева, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящается Д'нис,

в благодарность за нужную книгу в нужный момент

Глава 1

В один прекрасный день мистер Зайка решил пошалить. Он заглянул через изгородь на поле Фермера Фреда и увидел, что там полным-полно свежего зеленого салата. А вот в животе у мистера Зайки салата совсем не было. Какая несправедливость!

Из книги «Приключение мистера Зайки»

Крысы!

Они гоняли собак, они «всех кошек одолели, взбирались к детям в колыбели», и...

Но это еще не все. Как сказал Изумительный Морис, это просто история про людей и крыс. А самое сложное в ней – это решить, кто тут люди, а кто – крысы.

А вот Злокозня Грымм уверяла, что это история про истории.

И началась она – отчасти – в почтовом дилижансе, который ехал из-за гор, от далеких равнинных городов.

Эту часть пути возница терпеть не мог. Дорога петляла по лесам и по осыпям вдоль склонов гор. Между деревьев лежали густые тени. Иногда вознице мерещилось, будто за дилижансом, стараясь по возможности остаться незамеченными, крадутся какие-то твари. Его прямо в дрожь бросало.

А в этом путешествии – вот где самая жуть-то! – возница слышал голоса. Точно-точно! Голоса раздавались откуда-то сзади, с крыши дилижанса, а ведь там ничего не было, кроме туго набитых клеенчатых мешков с почтой да жалкого мальчишкиного багажа. Спрятаться там явно негде. Но возница готов был поклясться: он то и дело слышал, как перешептываются писклявые голоса.

На тот момент внутри ехал только один пассажир. Светловолосый парнишка сидел себе один-одинешенек в раскачивающемся дилижансе и читал книгу.

Читал он медленно, вслух и водил пальцем по строкам.

- «Уббервальд», - прочел он.

- Не «Уббервальд», а «Убервальд», - возразил тоненький, писклявый, но вполне отчетливый голосок. - Точки над «у» означают, что тянуть звук надо долго: «ууу». Но ты неплохо справляешься.

- Уууууубервальд, да?

- Не стоит злоупотреблять прононсом, малыш, - полусонно откликнулся новый голос. - А знаешь, чем так хорош Убервальд? Тем, что он очень-очень далеко от Сто Лат. И от Псевдополиса тоже. И от любого другого места, где командор Стражи грозитя сварить нас заживо, если еще хоть раз увидит. А цивилизацией, между прочим, здесь и не пахнет. Скверные дороги. Повсюду - горы. Особо не попутешествуешь. То есть новости распространяются медленно, понимаешь? И полиции тут, скорее всего, вообще нету. Малыш, мы тут озолотимся!

- Морис? - опасливо спросил парнишка.

- Да, малыш?

- Как думаешь, то, что мы делаем, ну, в общем... ты не думаешь, что это нечестно?

Повисла пауза.

- Что значит «нечестно»? - наконец откликнулся голос.

- Ну... мы же берем с них деньги, Морис. - Дилижанс подпрыгнул, угодив колесом в выбоину.

- Допустим, - произнес невидимый Морис. - А теперь спроси сам себя: с кого мы берем деньги на самом-то деле?

- Ну... обычно это мэр, или члены городского совета, или кто-то в этом роде.

- Верно! А это значит... что? Мы с тобой эту подробность уже проговаривали.

- Эгм...

- Это пра-ви-тель-ствен-ные средства, малыш, - терпеливо объяснил Морис. - А теперь повтори. Пра-ви-тель-ствен-ные средства.

- Пра-ви-тель-ствен-ные средства, - послушно произнес мальчуган.

- Верно! А что правительство делает с деньгами?

- Эгм, оно...

- Оно платит солдатам, - сообщил Морис. - Оно ведет войны. На самом деле мы, вероятно, предотвратили немало военных конфликтов, забрав деньги и помешав использовать их во зло. Да если задуматься, нам памятник надо поставить! Монумент, вот!

- Морис, но некоторые города, как мне показалось, были ужасно бедными, - с сомнением произнес мальчуган.

- Именно в таких местах войны совершенно точно не нужны, так?

- А вот Фасоль Опасно-для-Жизни говорит... - Мальчуган сосредоточился, губы его задвигались, точно он попытался сперва произнести сложное слово про себя. - Это не-э-тичи-но.

- Вот именно, Морис, - вклинился писклявый голосок. - Фасоль Опасно-для-Жизни говорит, нам не следует жить за счет обмана.

- Слушай, Персики, обман - это то, чем занимаются все человеки без разбору, - раздался голос Мориса. - Человеки только и делают, что друг друга обманывают, - а если не справляются сами, то выбирают правительство себе в помощь. А мы даем им качество по разумной цене. Приключается страшное нашествие крыс, люди платят дудочнику, все крысы следуют за мальчонкой вон из города, прыг да скок, конец нашествия, все рады-радехоньки, что никто

больше не гадит в муку, благодарное население переизбирает правительство на новый срок, ура, всеобщее ликование. Разумно потраченные деньги, вот как я это называю.

– Да, но нашествие-то ненастоящее, это мы просто вводим всех в заблуждение, – раздался голос Персиков.

– Ну, милая, все эти мелкие органы власти, помимо прочего, выделяют деньги еще и на крысоловов, так? Взять не могу в толк, зачем я вообще с вами связался, вот прямо в толк взять не могу.

– Да, но мы...

Внезапно дилижанс остановился. Снаружи, под дождем, звякнула сбруя. Дилижанс слегка качнулся из стороны в сторону, послышался топот убегающих ног.

Из темноты раздался голос:

– Волшебники внутри есть?

Пассажиры озадаченно переглянулись.

– Нет? – отозвался парнишка, причем его «нет» прозвучало как «А почему вы спрашиваете?».

– А как насчет ведьм? – не отступался голос.

– Не, никаких ведьм нету, – заверил парнишка.

– Так-так. А нет ли внутри тяжеловооруженных троллей, специально нанятых почтовой компанией?

– Очень в этом сомневаюсь, – откликнулся Морис.

Повисла недолгая пауза. Тишину нарушал только дождь.

- О'кей, как насчет вервольфов? - наконец раздался все тот же голос.

- А как они выглядят? - уточнил парнишка.

- Ну, это, выглядят они вполне обычно, пока у них вдруг не отрастут шерсть, и клыки, и гигантские лапы, а тогда эти лохматые, зубастые твари ка-а-ак прыгнут в окно прямо на вас, - объяснил голос. Похоже, вопрошатель двигался строго по списку.

- Мы тут все лохматые и зубастые, - отозвался парнишка. - Это считается?

- То есть вы все-таки вервольфы?

- Нет.

- Тогда ладно. - Снова повисла пауза, заполненная шумом дождя.

- О'кей, вампиры, - продолжал голос. - Ночь выдалась ненастная, в такую мокреть не летаешь. Есть там внутри вампиры?

- Нет, что вы! - заверил парнишка. - Мы все совершенно безобидны!

- О нет, - пробормотал Морис и заполз под сиденье.

- Это радует, - произнес голос. - В наши дни осторожность не помешает. Столько подозрительных личностей вокруг шастает.

В окно просунулся арбалет, и тот же голос объявил:

- Кошелек и жизнь. Два по цене одного, так сказать.

- Деньги в сундуке на крыше, - сообщил Морис откуда-то с пола.

Грабитель оглядел темное нутро дилижанса.

- Это кто сказал?

- Эгм, я, - отозвался мальчишка.

- Так у тебя ж губы не двигались, малец!

- Тем не менее деньги на крыше. В сундуке. Но на твоём месте я не стал бы...

- Ха, да уж наверняка не стал бы, - хмыкнул грабитель. Лицо под маской, маячившее в окне, исчезло.

Мальчуган взял с соседнего сиденья дудочку. Дудочка была из тех, что до сих пор называют «свистульками за пенни», хотя никто уже и не помнит, когда это они стоили всего один пенни.

- Сыграй «Разбойное нападение», малыш, - тихо посоветовал Морис.

- А нельзя ли просто отдать ему деньги? - раздался голос Персиков. Очень тихий голос.

- Деньги - такая штука, которую люди должны отдавать нам, - сурово напомнил Морис.

Над их головами сундук со скрежетом заскользил по крыше дилижанса: грабитель стаскивал добычу вниз.

Мальчуган послушно взялся за дудочку и сыграл несколько нот. Вот теперь звуки слышались самые разные. Сперва скрип, затем глухой стук, какая-то возня и короткий вскрик. Очень короткий.

Когда все смолкло, Морис вновь вскарабкался на сиденье и высунул голову из окна в ночную темень и дождь.

- Хороший человек, - похвалил он. - Разумный. Чем больше сопротивляешься, тем больнее они кусаются. Кожу еще не прокусили, нет? Вот и славно. Подойди чуть ближе, чтобы я мог тебя видеть. Но смотри, без резких движений. Мы же не хотим, чтобы кто-нибудь запаниковал, правда?

В свете каретных фонарей вновь появился грабитель. Ступал он очень медленно и осторожно, широко расставив ноги. И тихонько поскуливал.

– А, вот и ты, – весело приветствовал его Морис. – Что, забрались в штаны и вскарабкались прямо вверх, да? Крысы, они такие. Ты просто кивни, их ведь лучше не злить лишней раз. А то как знать, чем все закончится.

Грабитель медленно кивнул. А в следующий миг изумленно сощурился.

– Ты – кот? – пробормотал грабитель. Затем закатил глаза и охнул.

– Я разве велел говорить? – мурлыкнул Морис. – По-моему, говорить я не велел, нет? Что, возница сбежал или ты его прикончил?

Грабитель отрешенно глядел прямо перед собою.

– А ты быстро учишься. Одобряю, – похвалил Морис. – На вопрос можешь ответить.

– Сбежал, – хрипло отозвался грабитель.

Морис втянул голову обратно в окно.

– Что думаете? – промолвил он. – Дилижанс, четверка лошадей, вероятно, в мешках с почтой найдется что-нибудь ценное. Эх, глядишь, целая тысяча долларов, а то и больше. Паренек может сесть за кучера. Попытка не пытка?

– Морис, это же кража, – отозвалась Персики. Она устроилась на сиденье рядом с мальчишкой. Персики была крысой.

– Ну, не то чтобы прямо кража, – запротестовал Морис. – Скорее... находка. Возница сбежал, так что это все равно что... о, спасение имущества! Точно, мы можем вернуть его за вознаграждение. Так гораздо лучше. Законно опять же. Ну что, согласны?

– Люди начнут задавать слишком много вопросов, – напомнила Персики.

– Если мы просто-напросто бросим все это добро на дороге, его все равно сопрут какое-нибудь мур-р-рло, – взвыл Морис. – Какой-нибудь ворюга все приберет к рукам! Может, пусть лучше оно нам достанется, а? Мы-то не воры.

– Морис, мы ничего не возьмем, – отрезала Персики.

– Ну тогда давайте украдем лошадь грабителя, – предложил Морис, так, словно для достойного завершения этой ночи необходимо было похитить хоть что-нибудь. – Если крадешь у вора, это не кража, потому что одно отменяет другое.

– Мы не можем просидеть здесь всю ночь, – заявил парнишка Персикам. – Тут он прав.

– Точно! – с энтузиазмом подтвердил грабитель. – Вы же не можете просидеть здесь всю ночь!

– Точно, – подхватил хор голосов изнутри его брюк, – мы не можем тут всю ночь просидеть!

Морис вздохнул и снова высунулся в окно.

– О'кей, – протянул он. – Вот как мы поступим. Ты стоишь неподвижно, глядишь прямо перед собой, и чтоб мне без фокусов, а то мне стоит только словечко сказать...

– Не говори словечка! – взмолился грабитель.

– Идет, – согласился Морис. – В наказание мы заберем твою лошадь, а тебе достанется карета, потому что это кража, а воровать позволено только ворам. Согласен?

– Как скажешь! – откликнулся грабитель, но тут же, подумав, поспешно добавил: – Но только, пожалуйста, ничего не говори!

Бедолага по-прежнему глядел прямо перед собою. Он видел, как из дилижанса вышли мальчишка с котом. За спиной его слышались разнообразные звуки: эти двое забирали его лошадь. Грабитель подумал о мече. Ну да, ему, конечно,

достанется целый почтовый дилижанс, но ведь есть еще такая штука, как профессиональная гордость!

– Ладно, – снова раздался кошачий голос. – Мы уходим, а ты пообещай, что с места не двинешься, пока мы не скроемся из виду. Обещаешь?

– Слово вора, – отозвался грабитель, медленно опуская ладонь на рукоять меча.

– Хорошо. Мы тебе, безусловно, доверяем, – откликнулся кот.

Грабитель почувствовал, как штаны его стали значительно легче – крысы высыпали наружу и порскнули прочь. Звякнула упряжь. Он выждал мгновение, затем стремительно развернулся, выхватил меч и кинулся вперед.

Ну, чуть-чуть вперед. Он бы, конечно, не грянулся оземь с таким грохотом, если бы кто-то не связал вместе шнурки его ботинок.

Все говорили, он просто изумителен. Изумительный Морис, вот как его прозвали. Но он вовсе не собирался никого изумлять. Просто так вышло.

Когда в один прекрасный день, сразу после обеда, он посмотрел на свое отражение в луже и вдруг понял: «Это ж я», он сразу догадался: что-то тут не так. Прежде он себя не осознавал. Конечно, вспомнить, что он там про себя думал до того, как стал изумительным, было непросто. Кажется, прежде в голове его плескалось что-то вроде супа.

А потом еще эти крысы, которые жили под мусорной кучей в углу его законной территории. Морис понял, что крысы учености не чужды, когда напрыгнул на одну такую, а крыса возьми и скажи: «Послушайте, а может, сперва поговорим?» – и какая-то часть его изумительно нового сознания подсказала: нельзя жрать того, кто владеет даром речи. По крайней мере, не выслушав сперва до конца.

Крысой этой была Персики. Она оказалась совсем не такой, как все прочие крысы. Равно как и Фасоль Опасно-для-Жизни, Пончик Вход, Гуталин, Гуляш, Большие Скидки, Токси и все остальные. Но, в конце-то концов, и он, Морис,

больше не был таким, как прочие коты и кошки.

Внезапно оказалось, что прочие коты и кошки ужасно глупые. Так что Морис теперь предпочитал держаться крыс. С ними хоть поговорить можно. Он отлично с ними ладил, пока помнил, что ни в коем случае нельзя жрать их друзей-знакомых.

Крысы постоянно изводились насчет того, с чего это они вдруг поумнели. Морис считал это пустой тратой времени. Как вышло, так вышло, чего уж там. Но крысы все судили да рядили, – может, они чего с мусорной кучи съели? – и даже Морис понимал, что это все равно не объясняет, с какой стати изменился он сам, ведь он-то никогда не ел никакой помоечной гадости. А с той мусорной кучи – тем более, памятуя о том, откуда она взялась...

Про себя Морис решил, что крысы, откровенно говоря, твари тупые. Ладно, пусть умные, но – тупые. Морис – дело другое, Морис – ушлый, он прожил на улице четыре года, нос его покрыт шрамами, а от ушей почитай что ничего не осталось. Он выступал так вальяжно, что, если бы не сбавлял шаг, того гляди опрокинулся бы. Когда он распушал хвост, прохожим приходилось обходить его по широкой дуге. Да уж, не будучи ушлым, поди продержишься на улице четыре года – тем паче когда вокруг рыщут все эти собачьи своры и предприимчивые скорняки! Чуть зазеваешься – и станешь обедом и парой перчаток. Приходится быть ушлым, без этого – никак.

А еще надо быть богатым. Ему пришлось долго объяснять крысам, что это такое, но Морис исходил город вдоль и поперек и знал, как в нем все устроено. Деньги, втолковывал он, это ключ, отпирающий все двери.

И вот однажды он повстречал глуповатого на вид парнишку, который играл на дудочке, перед ним лежала кепка, а в кепке – монетки, – и Морису пришла в голову идея. Изумительная идея. Вот так нежданно-негаданно, бац! – и его осенило. Крысы, дудочка, глуповатый на вид парнишка...

И Морис сказал:

– Эй ты, глуповатый парнишка! Хочешь сколотить целое состоя... не туда смотришь, малыш, я тут, внизу...

Уже занимался рассвет, когда конь разбойника вышел из лесу, преодолел перевал и остановился в удобной рощице.

Ниже протянулась речная долина, а к скалам прилепился городишко.

Морис, потягиваясь, вылез из седельной сумы. Глуповатый парнишка помог крысам выбраться из второй. Грызуны всю дорогу ехали в тесноте, скорчившись на гуде денег: вежливость не позволяла им признаться, что никто не хочет спать в одной суме с котом.

– Как называется город, малыш? – спросил Морис, усевшись на камень и глядя на крыши домов сверху вниз. Позади них крысы в очередной раз пересчитывали деньги и складывали их в аккуратные стопки рядом с кожаным кошельком. Они проделывали это каждый день. Даже притом что карманов у Мориса не было, ощущалось в нем что-то такое, отчего хочется пересчитывать наличность по возможности чаще.

– Дрян-Блинцбург он зовется, – сообщил парнишка, сверившись с путеводителем.

– Кхе-кхе... а так ли нам туда надо, если городишко – дрян? – спросила Персики, отвлекшись от счета.

– Ха, так ведь он зовется Дрянью вовсе не потому, что он такой плохой, – возразил Морис. – На самом деле это такое иностранное слово – «дрен», понимаете? Такие подземные трубки для осушения почвы.

– То есть на самом деле это Дрен-Блинцбург? – переспросил Пончик Вход.

– Ага, его назвали «Дрен», потому что... – Изумительный Морис замялся, но лишь на долю секунды, – потому что у них тут проложен этот самый подземный водоток, представляете? Здешние края очень отсталые. Об осушении болот никто и не слыхивал. А вот в Блинцбурге есть самый настоящий дрен, жители им ужасно гордятся и хотят, чтобы все об этом знали. Небось, чтоб на этот дрен хотя бы одним глазком глянуть, билет покупать придется.

– Это правда, Морис? – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни. Спросил очень вежливо, но понятно было, что на самом-то деле он имеет в виду: «Морис, я не думаю, что это правда».

Ох уж этот Фасоль Опасно-для-Жизни. Как с ним трудно иметь дело! Странно, но факт. Глядя сверху вниз на крысу-альбиноса с белоснежной шерсткой и розовыми глазками, Морис подумал о том, что в былые времена такого мелкого, бледного задохлика он даже жрать бы не стал. Фасоль Опасно-для-Жизни не поймал его взгляда: слишком он был близорук. Разумеется, почти полная слепота – не то чтобы серьезный недостаток для биологического вида, который бо?льшую часть времени проводит во тьме и обладает тончайшим чутьем, вполне заменяющим, насколько представлял себе Морис, зрение, слух и речь, вместе взятые. Например, этот крыс, обращаясь к Морису, всегда поворачивался к нему мордочкой и смотрел прямо на него. Жуть, одно слово. Морис знал когда-то одну слепую кошку, так вот, она то и дело врезалась в двери, но Фасоль Опасно-для-Жизни – никогда.

Фасоль Опасно-для-Жизни вожаком не был. Вожак считался Гуляш: крупный, свирепый, малость шелудивый крыс. Пользоваться новообретенными мозгами ему не слишком-то нравилось, а уж беседовать с котом и подавно. Когда крыс постигло Изменение, как они это называли, Гуляш был уже очень стар – слишком стар, чтобы меняться, говорил он сам. Вести переговоры с Морисом он предоставил Фасоли Опасно-для-Жизни, который родился сразу после Изменения. А уж этот крысеныш был умен. Невероятно умен. Даже слишком умен. Имея дело с Фасолью, Морис вынужден был пускать в ход все свои уловки и фокусы.

– Сам изумляюсь, сколько я всего знаю, – отозвался Морис, лениво прижмуриваясь. – Как бы то ни было, городок с виду симпатичный. И, похоже, богатый. Так вот, теперь мы действуем так...

– Кхе-кхе...

Морис терпеть не мог этот звук. Если и есть что похуже, чем Фасоль с его заковыристыми вопросиками, так это Персики с ее покашливанием. Это значит, что сейчас она очень тихо скажет что-то такое, что выведет Мориса из душевного равновесия.

– Да? – рявкнул он.

– А так ли нам надо продолжать делать то, что мы делаем? – спросила крыса.

– Конечно нет, – отозвался Морис. – Я вообще не понимаю, зачем я с вами связался. Я ведь кот, так? Кот – и с моими-то талантами? Ха! Я ж всегда могу рассчитывать на непыльную работенку при фокуснике. Или, скажем, при чревовещателе. Да я чем угодно мог бы заняться, так? – ведь люди любят кошек. Но поскольку я, знаете ли, невероятно глуп и добросердечен, я решил помочь горстке грызунов, которых, посмотрим правде в глаза, люди не то чтобы обожают всем сердцем. А кое-кто из вас, – здесь кот уставился желтым глазом на Фасоль Опасно-для-Жизни, – вынашивает идею перебраться на какой-нибудь остров и основать что-то вроде вашей собственной крысиной цивилизации; по мне, так план просто замечательный, но, чтобы воплотить его в жизнь, вам потребуются... что именно, не припомните?

– Деньги, Морис, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни, – но...

– Деньги. Правильно, ведь на них можно купить что? – Морис обвел взглядом крыс. – С буквы «К» начинается, – подсказал кот.

– Корабли, Морис, но...

– А потом еще вам понадобятся всевозможные инструменты, и, разумеется, еда...

– Но есть же кокосы, – встрял глуповатый парнишка, полируя дудочку.

– О, никак, кто-то что-то сказал? – вскинулся Морис. – И что же ты о них знаешь, малыш?

– На необитаемых островах есть кокосы, – отозвался парнишка. – Мне один человек рассказывал, который их продавал.

– И откуда же они там берутся? – не отступался Морис. Про кокосы он и сам мало что знал.

- Понятия не имею. Они там есть, и все.

- Ты еще скажи, они там на деревьях растут, - саркастически мурлыкнул Морис. - Ёшкин кот, прямо и не знаю, что бы вы делали без... без кого? - Он свирепо зыркнул на грызунов. - Первая буква «М».

- Без тебя, Морис, - отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни. - Но, видишь ли, мы на самом деле считаем...

- Да?

- Кхе-кхе, - откашлялась Персики.

Морис застонал.

- Фасоль Опасно-для-Жизни хочет сказать, что воровать зерно и сыр и прогрызть дыры в стенах - это все, ну... - крыса поглядела прямо в желтые кошачьи глаза, - аморально.

- Но так поступают все крысы! - запротестовал Морис.

- А вот нам так поступать не следует, - отрезал Фасоль. - Мы должны отыскать свой собственный путь в жизни!

- Охо-хо-хо-хонюшки! - покачал головой Морис. - Значит, вперед, к острову? К Крысиному Царству! Нет, не то чтобы я смеялся над вашей мечтой, - поспешно добавил кот. - Маленькая мечта всем нужна. - Морис в это тоже свято верил. Если знать, чего люди по-настоящему хотят, хотят очень сильно, - ими можно вертеть как хочешь.

Порою Морис задавался вопросом, а чего на самом деле хочет глуповатый парнишка. Похоже, ничего - только играть себе на своей дудочке, да чтобы его оставили в покое. Но... вот как сейчас с кокосами, - парнишка иногда неожиданно выдавал что-нибудь этакое, наводящее на мысль, что ушки у него на макушке. Такими манипулировать непросто.

А манипулировать людьми коты здорово наострились. Тут мяукнешь, там мурлыкнешь, ласково подцепишь коготком... а ведь прежде Морису об этом и задумываться не надо было. Кошкам вообще ни о чем не надо задумываться. Просто нужно знать, чего ты хочешь, вот и все. А думают пусть человеки. Они ж для того и созданы.

Морису вспомнились добрые старые денечки, до того как мозг его взорвался фейерверками. Он с умильным видом являлся к двери университетской кухни, а кухарки пытались сообразить, чего ему надо. Просто изумительно! Кухарки приговаривали: «Кисонька хочет молочка? Кисонька хочет печеньку? Кисонька хочет вот эти вкусненькие обрезочки?» А Морису всего-то и оставалось, что терпеливо ждать, пока дело не дойдет до знакомых звуков вроде «индюшачья ножка» или «бараний фаршик».

Но ничего магического он не ел, это точно. Ведь зачарованных куриных потрошков не бывает, правда?

Это крысы жрали всякую магическую дрянь. Мусорная куча, которую они называли «домом», а заодно и «обедом», высилась на задворках университета, а университет-то, в конце концов, волшебнический! Прежний Морис почти не обращал внимания на людей, у которых в руках не было миски, но даже он понимал, что здоровенные дядьки в остроконечных шляпах заставляют случаться всякие странности.

А теперь он понял, куда деваются весь их магический мусор. Его просто за стену выкидывают. Все эти старые потрепанные книги заклинаний, и подтаявшие свечные огарки, и остатки зеленой пузырястой гадости из котлов – все это сбрасывалось и выливалось на огромную мусорную кучу, вместе с консервными банками, старыми ящиками и кухонными отходами. Ну да, волшебники, конечно, ставили таблички с надписями «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ» и «ТОКСИЧНО», но в те дни крысы читать не умели, зато просто обожали подтаявшие свечные огарки.

То ли дело Морис: вот он-то ничего с мусорной кучи не ел. А что, неплохое жизненное кредо: не жрать ничего такого, что светится изнутри!

Но Морис тоже отчего-то поумнел, примерно в то же время, что и крысы. Загадка, да и только!

С тех пор он делал ровно то, что коты делали всегда. Манипулировал людьми. Теперь, правда, некоторые крысы тоже считались за людей. Люди – они люди и есть, даже если бегают на четырех лапках и называют себя именами вроде Фасоль Опасно-для-Жизни. А такие имена берешь, если научился читать прежде, чем понял, что означают все эти предупреждающие надписи и этикетки на старых и ржавых консервных банках, и тебе просто понравилось, как звучит то или иное слово.

Беда в том, что, раз начав думать, потом ты уже не в силах остановиться. С точки зрения Мориса, крысы думали слишком много. Фасоль Опасно-для-Жизни, конечно, не подарок, но он был так занят своими дурацкими размышлениями о том, как бы крысам создать где-нибудь свое собственное государство, что уж с ним-то Морис вполне мог управиться. А вот Персики – она хуже всех прочих, вместе взятых. Обычный Морисов фокус – заболтать собеседника так, чтобы окончательно сбить его с толку, – с ней вообще не срабатывал.

– Кхе-кхе, – снова откашлялась она. – Мы считаем, что этот раз должен стать последним.

Морис воззрился на нее. Прочие крысы чуть подались назад, а вот Персики взгляда не отвела.

– Мы проделываем этот дурацкий трюк с «нашествием крыс» в самый последний раз, – твердо заявила Персики. – И точка.

– А что на этот счет думает Гуляш? – промолвил Морис. И обернулся к вожаку, который наблюдал за ними, не говоря ни слова. Когда Персики бывала невыносима, всегда имело смысл обратиться к вожаку: он ее не особо жаловал.

– Что значит думает? – буркнул Гуляш.

– Я... сэ, я думаю, нам следует бросить этот фокус, – пробормотала Персики, нервно подергивая головой.

– Ах, и ты тоже думаешь, вот как? – заворчал Гуляш. – В наши дни все думают, кому не лень. А я думаю, больно много вы думаете, вот что я думаю. Когда я был помоложе, мы думать не думали, чтобы думать. Если сперва подумать, так до дела никогда не дойдет.

И он злобно зыркнул на Мориса. Морис Гуляшу тоже ох как не нравился. Ему очень не нравилось все то, что случилось после Изменения. Морис уже задумывался про себя, а долго ли Гуляш продержится в жожаках. Думать старый крыс не любил. Он жил прошлым, когда жожек брал исключительно силой и злобностью. А ныне мир пришел в движение, Гуляш уже не поспевал за ним и потому жутко злился. Теперь он не то чтобы вел за собой: его скорее подталкивали в нужную сторону.

– Я... Фасоль Опасно-для-Жизни, сэ, считает, что нам пора задуматься о том, чтобы где-нибудь обосноваться, – проговорила Персики.

Морис угрюмо нахмурился. Гуляш к Персикам ни за что не прислушается, и она это знала, а вот Фасоль Опасно-для-Жизни был для крыс чем-то вроде волшебника, и к нему прислушивались даже большие крысы.

– Мне казалось, мы собирались сесть на корабль и отыскать где-нибудь остров, – промолвил Гуляш. – Корабли – самое крысячье место, – одобрительно добавил он. И продолжил, чуть нервно и чуть раздраженно оглядываясь на Фасоль: – А мне говорят, будто нам нужны эти самые деньги, потому что теперь, когда мы научились думать, нам полагается вести себя – э-э-э, это... эти...

– Этично, сэ, – подсказал Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Что, мне кажется, как-то не по-крысьи. Не то чтобы с моим мнением кто-то считался, – буркнул Гуляш.

– У нас достаточно денег, сэ, – напомнила Персики. – У нас уже полным-полно денег. Мы добыли полным-полно денег, не так ли, Морис. – Это прозвучало не вопросом, но обвинением.

– Ну, когда вы говорите «полным-полно»... – начал было Морис.

– На самом деле, у нас куда больше денег, чем мы думали, – проговорила Персики все тем же тоном. Голос звучал очень вежливо – но умолкать не собирался и задавал крайне неудобные вопросы. А неудобными Морис считал те вопросы, на которые ему очень не хотелось отвечать. Персики снова тихо откашлялась. – И вот почему я говорю, что денег у нас больше, чем мы думали,

Морис: ты уверял, будто так называемые «золотые монеты» сияют как луна, а «серебряные монеты» блещут, как солнце, и все серебро ты оставишь себе. А на самом деле, Морис, все наоборот. Это серебряные монеты сияют, как луна.

Морис произнес про себя грубое слово на кошачьем языке, который, как известно, просто-таки изобилует ругательствами. Что толку в образовании, сетовал он, если люди однажды начинают им пользоваться?

– Так что мы думаем, сэр, – обратился Фасоль к Гуляшу, – что после этого самого последнего раза нам следует поделить деньги и разойтись в разные стороны. Кроме того, повторять один и тот же трюк становится небезопасным. Нужно остановиться, пока не поздно. Тут река течет. Мы сможем доплыть до моря.

– Остров, где нет человек или крлррт котов, – место самое подходящее, – одобрил Гуляш.

Морис улыбался как ни в чем не бывало, хотя что такое крлррт — знал.

– И мы, конечно же, не хотим встать между Морисом и его замечательной новой работой при каком-нибудь фокуснике, – встряла Персики.

Морис сощурился. На краткое мгновение он оказался совсем близок к тому, чтобы нарушить свое железное правило не жрать тех, кто умеет разговаривать.

– А ты что скажешь, малыш? – спросил он, оглядываясь на глуповатого парнишку.

– Я не возражаю, – откликнулся тот.

– Против чего не возражаешь? – уточнил Морис.

– Ни против чего не возражаю, на самом-то деле, – заверил парнишка. – Лишь бы мне не мешали играть на дудочке.

– Но тебе нужно подумать о будущем! – промолвил Морис.

– Так я и думаю, – отозвался парнишка. – В будущем я хочу и дальше играть свою музыку. Играть на дудочке – оно ж ничего не стоит. Но, пожалуй, крысы правы. Нам ведь пару раз чуть хвост не прищемили, Морис.

Морис устремил на парнишку пронизательный взгляд – уж не шутит ли он? – но тот в жизни не делал ничего подобного. Кот сдался. Ну ладно, не совсем сдался. Морис не был бы Морисом, если бы пасовал перед проблемами. Он просто отодвигал проблему в сторону. В конце концов, однажды что-нибудь да подвернется.

– Ладно, идет, – согласился Морис. – Мы сделаем это в самый последний раз и поделим деньги на три части. Отлично. Никаких проблем. Но уж если этот раз – последний, пусть он надолго запомнится, а? – И Морис широко усмехнулся.

Крысы, будучи крысами, от котовьей усмешки в восторг не пришли. Но они поняли: принято непростое решение. И тихонько выдохнули от облегчения.

– Ну, малыш, ты-то доволен? – спросил Морис.

– А я смогу потом и дальше играть на дудочке? – уточнил парнишка.

– Всенепременно.

– Тогда ладно, – кивнул парнишка.

Монеты, блестящие, как солнце, и блестящие, как луна, торжественно сложили обратно в кошель. Крысы уволокли кошель под кусты и закопали его там. Крысы ведь великие мастера зарывать деньги, а слишком много наличности тащить в города явно не стоило.

Оставался еще конь. Дорогущий, по всему судя, и Морису было страшно жаль отпускать его просто так. Но Персики напомнила, что конь принадлежал разбойнику с большой дороги, на нем богато изукрашенное седло и ценная сбруя. Попытаться его продать – дело рискованное. Разговоры пойдут. Того гляди правительство заинтересуется. А сейчас им всем только Стражи на хвосте не хватало.

Морис подошел к скальному уступу и оглядел сверху городишко, просыпающийся в лучах рассвета.

– Тогда на сей раз сыграем по-крупному, а? – предложил он, когда крысы вернулись. – И чтоб пищали, строили людям рожи и гадили по полной, идет?

– Мы думаем, что гадить повсюду, на самом деле... – начал было Фасоль Опасно-для-Жизни, но Персики откашлялась, и Фасоль поспешно добавил: – Ну ладно, раз уж это в последний раз...

– Я гадил на все, что подвернется, едва из гнезда выбрался, – заявил Гуляш. – А теперь мне говорят, это неправильно. Если это все от лишних мыслей, так я рад, что думать не привык.

– Что ж, давайте всех изумим! – возгласил Морис. – Крысы? Эти люди полагают, будто видели в городе крыс? После того как здесь побываем мы, они легенды складывать будут!

Глава 2

В Мохнатой лощинке у мистера Зайки было много-много друзей. Но самым лучшим другом мистера Зайки была еда.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

А план был таков.

Хороший план, между прочим. Даже крысы, даже сама Персики поневоле признавали, что до сих пор план срабатывал.

Про нашествия крыс слышали все. Из уст в уста передавались удивительные рассказы о дудочниках-крысоловах, которые зарабатывают тем, что ходят из города в город, помогая избавиться от очередного крысиного нашествия. Конечно, нашествия бывают не только крысиные – случаются нашествия баянистов, или рыбы, или кирпичей на веревочке, – но про крыс знает любой,

кого ни спроси.

Вот, в сущности, и все. Для нашествия много крыс не требуется, если они свое дело знают. Одна-единственная крыса, которая выскакивает то здесь, то там, пронзительно пищит, купается в свежих сливках и гадит в муку, – сама по себе нашествие.

И уже через пару дней просто диву даешься, как люди радуются глуповатому парнишке с волшебной крысиной дудочкой. А уж как изумляются, когда крысы выскакивают из всех нор и следуют за парнишкой прочь из города! В изумлении своем люди даже не задумываются о том, что крыс-то этих всего лишь несколько сотен.

То-то изумились бы люди, если бы однажды обнаружили, что за городом, в кустах, крысы и дудочник встречаются с котом и торжественно пересчитывают выручку...

Когда Морис с парнишкой вошли в Дрянь-Блинцбург, город еще только просыпался. Никто им не докучал, хотя Морис явно вызывал у людей интерес. Но его это не смущало. Он и сам знает, какой он интересный. Да коты всегда ведут себя так, словно весь город принадлежит им, а глуповатых мальчишек в мире полным-полно, на что сдался еще один такой?

Сегодня, по-видимому, выдался ярмарочный день, вот только лотки и прилавки можно было пересчитать по пальцам, и продавался на них, по большей части, ну всякий хлам. Старые горшки и сковородки, поношенные башмаки... то, что продают обычно люди, когда у них совсем нет денег.

Вдоволь попутешествовав по другим городам, Морис посмотрелся на разные ярмарки и знал, как они устроены.

– Толстухи должны продавать кур, – объяснял он. – А еще повсюду должны торговать сладостями для малышни и всякими ленточками. Акробаты и клоуны тоже нужны. И жонглирующие хоряками трюкачи, если повезет.

– Но тут вообще ничего такого нет. Да и купить почти нечего, по всему судя, – отметил парнишка. – Морис, ты вроде бы говорил, что это богатый город.

– Ну, он выглядел богатым, – защищался Морис. – Все эти обширные поля в долине и корабли на реке... поневоле подумаешь, тут улицы золотом вымощены!

Парнишка поднял глаза.

– Занятно, – проговорил он.

– Что такое?

– Люди выглядят бедно, – объяснил он. – А вот дома – богато.

И в самом деле так. Не то чтобы Морис разбирался в архитектуре, но деревянные дома были покрыты ажурной резьбой и аккуратно покрашены. И тут кот заметил кое-что еще. Ничего аккуратного не было в объявлении, приколоченном гвоздями к ближайшей стене.

Объявление гласило:

Принимаются МЕРТВЫЕ крысы!

50 ПЕНСОВ ЗА ХВОСТ!

ОБРАЩАТЬСЯ К КРЫСОЛОВАМ ЧЕРЕЗ РАТУШУ

Парнишка вытаращился на объявление.

– Похоже, им тут и впрямь не терпится избавиться от крыс, – весело заявил Морис.

– Никто и никогда не предлагал такого вознаграждения: полдоллара за хвост! – воскликнул парнишка.

– А я говорил, что тут мы знатный куш сорвем, – откликнулся Морис. – Недели не пройдет, как мы в золоте купаться будем!

– А что такое ура-туша? – с сомнением спросил парнишка. – Там крысиные туши принимают на ура, да? И почему на тебя все пялятся во все глаза?

– Я очень красивый кот, – с достоинством отозвался Морис. Но про себя он и сам слегка удивлялся. Люди подталкивали друг друга локтем и указывали на него пальцем. – Можно подумать, они впервые живого кота видят, – пробормотал он, внимательно рассматривая внушительное здание по другую сторону улицы: большое, квадратное; вокруг толпились люди, а вывеска гласила: «РАТУША». – Ратуша – это... так называется городской муниципалитет или мэрия. Крысиные туши тут ни при чем, хотя звучит забавно.

– Морис, сколько ж умных слов ты знаешь! – восхитился парнишка.

– Порою сам себе изумляюсь, – откликнулся кот.

Перед огромной распахнутой дверью выстроилась длинная очередь. Другие люди, по-видимому получившие то, за чем стояли, по одному и двое выходили из соседней двери. Все они несли буханки хлеба.

– Может, нам тоже встать в очередь? – предложил парнишка.

– Думаю, не стоит, – осторожно отозвался Морис.

– Но почему нет?

– Видишь вон тех амбалов у двери? Похоже, это стражники. И дубинки у них о-го-го какие. И каждый предъявляет им на входе какую-то бумажку. Мне это все ох не нравится, – объяснил Морис. – Очень похоже на правительство в действии.

– Но мы же ничего дурного не сделали, – запротестовал парнишка. – Во всяком случае, здесь.

– С правительствами всегда надо держать ухо востро. Ты посиди здесь, малыш. Я пойду погляжу.

И Морис вальяжно прошествовал в здание. Люди и впрямь пялились на него во все глаза, но, по-видимому, в городе, осажденном крысами, коты были в почете. Какой-то человек попытался было подхватить его на руки, но потерял всякий интерес, когда Морис развернулся и полоснул его когтями по руке.

Очередь, змеясь, втягивалась в просторный зал и проходила мимо длинного стола на козлах. Там каждый предъявлял свою бумаженцию двум женщинам при огромном подносе с хлебом и получал буханку-другую. Затем люди переходили к раздатчику при чане с колбасами, но колбасы получали существенно меньше, чем хлеба.

За всем этим надзирал, время от времени заговаривая с кем-нибудь из раздатчиков, мэр. Морис сразу его узнал – по золотой цепи на шее. За все время своей работы с крысами Морис перевидал много мэров. Этот заметно отличался от всех прочих: низенький, весь какой-то озабоченный, с лысиной, которую пытался прикрыть тремя жалкими волосинками. И куда более тощий, нежели все прочие мэры на памяти Мориса. Похоже, этот – бочка отнюдь не сорокаведерная.

Стало быть... стало быть, в городе нехватка еды, подумал Морис. Еду приходится нормировать. Похоже, дудочник в любой момент понадобится. Как мы вовремя – вот уж свезло так свезло!

И Морис снова вышел из здания, на сей раз ускорив шаг: он как раз слышал, как кто-то заиграл на дудочке. Ну конечно, глуповатый парнишка, кто ж еще. Парнишка положил перед собою кепку и уже собрал несколько монеток. Очередь изогнулась полукругом, так, чтобы лучше слышать, – и двое-трое детишек помладше пустились в пляс.

Морис был экспертом только по части кошачьего пения, которое сводится к тому, что ты стоишь в двух дюймах от других котов и орешь на них, пока у них не сдадут нервы. Человеческая музыка всегда казалась ему водянистой и жиденькой. Но люди, слышав парнишкину музыку, принимались притоптывать в такт. И даже заулыбались ненадолго.

Морис дождался, чтобы парнишка доиграл свою песенку. И, пока очередь аплодировала, крадучись зашел парнишке за спину, потерялся о его ноги и прошипел:

– Bravo, дурья голова! Мы же предполагали не привлекать к себе внимания! Ладно, пошли отсюда. Да деньги прихватить не забудь!

Кот двинулся было через площадь – и вдруг остановился так резко, что парнишка едва об него не споткнулся.

– Ух ты, а вот и еще правительство, – фыркнул он. – И мы отлично знаем, кто это, правда?

Парнишка и в самом деле знал. Это были крысоловы, целых двое. Даже здесь они щеголяли в длинных пропыленных пальто и помятых черных цилиндрах – таков знак их профессии. Каждый нес на плече шест, на котором болтались разнообразные капканы.

А с другого плеча у каждого свисал огромный мешок – из тех, в которые лучше не заглядывать. И каждый тащил на привязи по терьеру. Тощие, склочные псины зарычали на Мориса, проходя мимо.

При появлении крысоловов очередь разразилась приветственными возгласами, а когда те пошарили в мешках и вытащили пару горстей чего-то, на взгляд Мориса очень похожего на черные шнурочки, люди заплодировали.

– Сегодня две сотни! – прокричал один из крысоловов.

Один из терьеров, яростно натягивая поводок, кинулся на Мориса. Кот не двинулся с места. И тихонько шепнул – наверное, никто, кроме глуповатого парнишки, его и не услышал бы:

– К ноге, блохастый! Фу, скверный пес!

Песья морда мучительно исказилась: терьер в панике пытался осмыслить две мысли одновременно. Он твердо знал: котам разговаривать не полагается, но этот кот только что взял и заговорил. Ужас что такое! Пес неуклюже плюхнулся на землю и заскулил.

Морис принялся вылизываться. Это считалось смертельным оскорблением.

Крысолов, раздосадованный трусостью своего пса, рывком потянул его за собою.

И выронил несколько черных шнурочков.

– Крысиные хвосты! – воскликнул парнишка. – Похоже, у них тут и впрямь проблема серьезная!

– Серьезнее, чем ты думаешь, – отозвался Морис, глядя на кучку хвостов. – Попытайся подобрать их, пока никто не смотрит, ладно?

Парнишка дождался, пока люди отвернутся, и нагнулся было поднять находку. Но едва он потянулся к хвостам, как громадный, блестящий черный сапог смачно наступил на спутанный клубок.

– Нет уж, юноша, их трогать ни в коем случае не стоит, – раздался голос сверху. – Чего доброго, чуму от крыс подхватишь. А от чумы ноги полопаются. – Это подоспел один из крысоловов. Он широко ухмыльнулся парнишке, но веселья в этой ухмылке не было. От нее разлило пивом.

– Точняк, юноша, а потом у тебя еще и мозги через нос вытекут, – подхватил второй крысолов, зайдя со спины. – Если уж подхватил чуму, юноша, то платком лучше не пользоваться.

– Мой коллега, как всегда, ткнул пальцем в самую суть, юноша, – и первый крысоловдохнул пивным перегаром парнишке в лицо.

– Чего тебе, юноша, вряд ли удастся повторить, потому что если уж заболеешь чумой, то все твои пальцы... – подхватил Крысолов № 2.

– Да, но у вас-то ноги не лопнули, – возразил парнишка. Морис застонал. Грубить пивному перегару – идея не из лучших. Но крысоловы уже дошли до той стадии, когда, вопреки очевидному, считали себя хохмачами и приколистами.

– Тонко подмечено, юноша! А это все потому, что на самом первом уроке в школе Гильдии Крысоловов как раз объясняют, как сделать так, чтобы ноги не полопались, – промолвил Крысолов № 1.

– Что очень кстати, потому что второй урок проходит на втором этаже, – подхватил Крысолов № 2. – А что, знатно я сострил, юноша?

Первый крысолов подобрал ворох черных шнурочков, воззрился сверху вниз на парнишку – и от улыбки его и следа не осталось.

– Что-то, парень, я тебя тут прежде не видел, – пробурчал он. – И мой тебе совет: высмаркивайся почаще, и чтоб никому ни о чем ни слова. Молчок, ясно?

Парнишка открыл было рот и тут же закрыл его. Крысолов снова усмехнулся своей жутковатой усмешкой.

– Ага, вижу, ты на лету схватываешь, юноша, – проговорил он. – Еще увидимся, э?

– А ты небось мечтаешь стать крысоловом, когда вырастешь, так, юноша? – спросил Крысолов № 2, больно шлепнув парнишку по спине.

Парнишка кивнул: это показалось ему самым разумным. Крысолов № 1 наклонился к нему, да так близко, что едва не ткнулся красным, в оспинах, носом парнишке в лицо.

– Если вырастешь, юноша, – уточнил он.

И крысоловы зашагали прочь, волоча за собою собак. Один из терьеров то и дело оглядывался на Мориса.

– Какие необычные тут крысоловы, – отметил кот.

– Я таких крысоловов в жизни не видывал, – согласился парнишка. – С виду – мерзавцы каких мало. Им, похоже, нравится их занятие.

– А я в жизни не видывал крысоловов, которые бы трудились от зари до темна и при этом щеголяли в сапогах, надраенных до блеска, – откликнулся Морис.

– И это тоже, да... – кивнул парнишка.

– Но даже это не так чудно?, как здешние крысы, – отметил Морис тем же негромким голосом, каким подсчитывал деньги.

– А что такого чудного в крысах? – заинтересовался парнишка.

– У некоторых здешних крыс очень странные хвосты, – объяснил кот.

Парнишка оглядел площадь. Длиннющая очередь за хлебом не убывала, и он почему-то занервничал. А еще его нервировал пар. Пар облачками вырывался из-под решеток и крышек канализационных люков повсюду вокруг, как будто город стоял на кипящем чайнике. В придачу парнишку не оставляло ощущение, будто за ним кто-то наблюдает.

– Думаю, надо отыскать крыс и уносить отсюда ноги, – предложил он.

– Что ты, этот городишко пахнет большими возможностями, – запротестовал Морис. – Тут явно что-то происходит, а когда что-то происходит, значит, кто-то богатеет, а если кто-то богатеет, так почему бы не я... то есть мы.

– Да, но мы же не хотим, чтобы эти люди убили Фасоль Опасно-для-Жизни и всех прочих!

– Их не поймают, – заверил Морис. – Эти парни в первую десятку гигантов мысли не войдут. Я бы сказал, даже Гуляш им фору даст. А у Фасоли мозги аж из ушей лезут.

– Надеюсь, что нет!

– Да полно, я не о том, – отозвался Морис, который обычно говорил людям то, что те хотят услышать. – Я имею в виду, наши крысы поумнее большинства человек будут. Так? Помнишь, в Скроте, когда Сардины забрался в чайник и огорошил неприличным звуком старуху, едва та сняла крышку? Ха, да даже самые обыкновенные крысы и те способны обхитрить людей. Человеки думают, они – венец мироздания, только оттого, что они крупнее... погоди, я лучше заткнусь, на нас смотрят...

Какой-то человек с корзиной, выйдя из ратуши, остановился и вытаращился на Мориса с неподдельным интересом. А затем оглянулся на парнишку:

– Хороший крысолов небось, да? Еще бы, такой крупнящий котяра! Он твой, мальчик?

– Скажи «да», – шепнул Морис.

– Вроде того, да, – отозвался парнишка, подхватывая Мориса на руки.

– Я тебе за него пять долларов дам, – предложил человек с корзиной.

– Проси десять, – прошипел Морис.

– Не продается, – покачал головой парнишка.

– Идиот! – мурлыкнул Морис.

– Ладно, семь, – не отступался человек с корзиной. – Слушай, вот что... я дам тебе четыре цельных буханки хлеба, идет?

– Но это же глупо. Буханка хлеба стоит никак не дороже двадцати пенсов, – удивился парнишка.

Человек с корзиной посмотрел на него как-то странно.

– Ты, видать, нездешний? И денег, видать, куры не клюют?

– Мне хватает, – заверил парнишка.

– Ты так думаешь? Ну, от денег тебе большого толку не будет. Слышь, бери четыре буханки и булку, цена справедливая, за десять буханок я могу терьера купить, а они на крыс здорово натасканы... нет? Ну что ж, помяни мое слово, как проголодаешься, так сам отдашь его за горбушку хлеба с размазкой[1 - Сперва вы размазываете масло по хлебу. Потом счищаете масло. Потом съедаете хлеб.] и еще будешь почитать себя счастливецем!

И человек с корзиной зашагал прочь. Морис вывернулся из парнишкиных рук и легко приземлился на мостовую.

– Вот честное слово, будь я силен в чревоуещательстве, мы б с тобой целое состояние сколотили, – проворчал он.

– А что такое чревоуещательство? – переспросил парнишка, провожая взглядом человека с корзиной.

– Это когда ты открываешь и закрываешь рот, а все переговоры веду я, – объяснил Морис. – Почему ты меня не продал? Я б вернулся, и десяти минут не прошло бы! Я слыхал про одного парня, который сколотил целое состояние на продаже почтовых голубей, притом что голубь у него был всего один!

– А тебе не кажется, что с городом, где люди платят больше доллара за буханку хлеба, что-то не так? – спросил парнишка. – И где платят целых полдоллара всего-то навсего за крысиный хвост?

– Пока у них хватает денег, чтобы нанять дудочника, я считаю, все в порядке, – отозвался Морис. – Нам здорово посчастливилось, что тут и без нас уже приключилось нашествие крыс, так? А ну, быстро гладь меня, на нас какая-то девчонка смотрит!

Парнишка обернулся. Какая-то девочка и впрямь не сводила с них глаз. Люди сновали по улице туда и сюда, некоторые проходили как раз между парнишкой и девочкой, но та словно в землю вросла – просто стояла на месте и так и буравила его взглядом. Его – и Мориса. На такую только посмотришь, и сразу поймешь: она любого к стене припрет не хуже Персиков. Она явно из тех, кто задает вопросы. Волосы у нее слишком рыжие, а нос слишком острый. А еще на ней длинное черное платье, обшито черными кружевами. От таких девчонок добра не жди.

Девчонка перешла улицу и начала допрос с пристрастием:

– Ты нездешний, да? Искать работу сюда пришел, так? Наверное, с последнего места тебя выгнали, вот уж не удивлюсь. Ты небось уснул и все испортил. Да, думаю, так все и было. Хотя очень может статься, что ты сбежал от хозяина, потому что он бил тебя палкой, – добавила девчонка: в голову ей только что

пришла новая идея. – Впрочем, скорее всего, бил он тебя по заслугам, потому что ты лентяй. И тогда ты, видимо, украл кота, потому что знал: здесь его можно выгодно продать. И ты, должно быть, помешался от голода, потому что ты только что разговаривал с котом, а всем известно, что коты разговаривать не умеют.

– Да я ни слова произнести не в состоянии, – заверил Морис.

– А может быть, ты – тот самый загадочный мальчик, который... – Девчонка вдруг прикусила язык и озадаченно воззрилась на Мориса. Тот выгнул спину и произнес «прппт», что на кошачьем языке означает «печеньки!» – Кот что-то сказал? – призвала она парнишку к ответу.

– Мне казалось, всем известно, что коты разговаривать не умеют, – напомнил парнишка.

– Да, но, может статься, ты был учеником волшебника, – предположила девочка. – Да, звучит очень убедительно. Пока на том и порешим. Ты был учеником волшебника, но ты заснул, и котел с пузырящимся зеленым варевом выкипел, и волшебник пригрозил превратить тебя в... в... ну, в...

– В капибару, – услуживо подсказал Морис.

– В капибару, и ты украл у волшебника его волшебного кота, потому что ненавидел зверюгу всем сердцем, и... а что такое капибара? Это кот только что сказал «капибара»?

– На меня не смотри! – запротестовал парнишка. – Я тут просто так стою!

– Ладно, и ты притащил кота сюда, потому что знал: здесь страшный голод, и вот почему ты собирался продать его, и, знаешь, этот человек заплатил бы тебе десять долларов, если бы ты только поторговался как следует.

– Но десять долларов – это ужасно много даже за хорошего крысолова, – возразил парнишка.

– Крысолова? Да никаких крыс этот тип ловить не собирался! – возразила рыжая девчонка. – Тут же все голодают! А этого кота по меньшей мере на два обеда хватит!

– Что?! У вас тут котов едят? – взвыл Морис, распушив хвост помелом.

Девчонка наклонилась к коту, премерзко ухмыляясь – примерно так же, как Персики, когда побеждала в споре, – и пальцем ткнула кота в нос.

– Попался! – объявила она. – Купился на такую простую подначку! Думаю, вам обоим лучше пойти со мной, согласны? Или я завизжу. А уж когда я визжу, ко мне прислушиваются!

Глава 3

– Не ходи в Темный лес, друг мой, – предостерегал Крысик Кристофер. – Там водятся всякие ужасы.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

А глубоко внизу под Морисовыми лапами крысы крались по подземельям Дрянъ-Блинцбурга. Все старые города так устроены. Люди строят над землей – и под землей. Погребя и подвалы прокладываются впритык друг к другу, и какие-то из них со временем оказываются заброшены – всеми, кроме тех тварей, что предпочитают не попадаться никому на глаза.

В густой, теплой, сырой темноте раздался голос:

– Так, у кого спички?

– У меня, Фасоль Опасно-для-Жизни, я – Четыре-Порции.

– Молодчина, девочка. А у кого свеча?

– У меня, сэ[2 - Обращение «сэр» очень трудно перевести на крысиный язык. По-крысиному слово «сэр» – это вовсе не слово; крыса просто на миг припадает к земле, давая понять, что в данный момент припавшая к земле крыса готова считать вторую крысу за главного, но и та пусть не позволяет себе лишнего.]. Это я, Ломтики.

– Отлично. Поставь на землю; Персики ее зажжет.

В темноте послышался топоток многих лап. Не все крысы привыкли к идее освещения; некоторые спешили убраться подальше.

Раздался царапающий звук, вспыхнула спичка. Удерживая спичку в обеих передних лапках, Персики зажгла свечной огарок. В первый миг пламя ярко полыхнуло – и засияло ровным светом.

– Ты его правда видишь? – спросил Гуляш.

– Да, сэ, – подтвердил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Я ведь не совсем слеп. Я ощущаю разницу между светом и тьмой.

– Знаете, – пробурчал Гуляш, подозрительно глядя на пламя, – все равно мне это очень не по душе. Нашим родителям вполне хватало темноты. Это все добром не кончится. Кроме того, зажигать свечку – значит хорошую еду разбазаривать.

– Мы должны научиться управлять огнем, сэ, – невозмутимо объяснил Фасоль Опасно-для-Жизни. – С помощью пламени мы говорим свое слово Тьме. Мы заявляем: мы – сами по себе. Мы заявляем: мы – не просто крысы. Мы заявляем: мы – Клан.

– Хрумф, – буркнул Гуляш; так он обычно отвечал на любую непонятную ему речь. А в последнее время он хрумфал очень, очень часто.

– Я слыхала, молодые крысы жалуются, что тени внушают им страх, – сообщила Персики.

– С какой стати? – удивился Гуляш. – А полная темнота их, надеюсь, не пугает? Темнота – для крыс в самый раз! Крысам полагается сидеть в темноте!

– Странно, – промолвила Персики, – но мы не знали, что существуют тени, пока не обрели свет.

Одна из крыс помоложе робко подняла лапку.

– Эгм... и даже когда свет гаснет, мы все равно знаем, что тени – тут, рядом, – проговорила она.

Фасоль Опасно-для-Жизни обернулся к молодой крыске.

– А тебя звать?.. – спросил он.

– Вкуснятина, – подсказала молодая крыска.

– Так вот, Вкуснятина, – мягко объяснил Фасоль, – я думаю, страх перед тенями – это все из-за того, что мы поумнели. Твой разум осознает, что есть ты, а есть все прочее вне тебя. Так что теперь ты не просто боишься того, что видишь, и слышишь, и чуешь, но еще и всего того, что ты... вроде как... видишь внутри своей головы. Если научиться без страха смотреть в лицо теням извне, это поможет нам бороться с тенями внутри нас. И ты сможешь справиться со всей темнотой. Это огромный шаг вперед. Так держать.

Вкуснятина глядела не без гордости, но явно нервничала.

– А я вот не понимаю, из-за чего весь сыр-бор, – встрял Гуляш. – На мусорной куче у нас все было в порядке. Я вообще ничего не боялся.

– И мы были легкой добычей для любого бродячего кота или голодного пса, сэр, – напомнил Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Так вот, если уж речь зашла о котях... – проворчал Гуляш.

– Думаю, Морису мы можем доверять, сэр, – отозвался Фасоль. – Ну, допустим, не в денежных вопросах, согласен. Но вы же знаете, у него отлично получается не жрать тех, кто умеет разговаривать. Он всякий раз себя сдерживает.

– Насчет кошки не сомневайтесь: кошка всегда остается кошкой, – возразил Гуляш. – И не важно, говорящая она там или нет!

– Да, сэр. Но мы стали другими, и Морис – тоже. Я верю, что в душе он вполне порядочный кот.

– Кхе-кхе. Это мы еще посмотрим, – вмешалась Персики. – Но теперь, когда мы все собрались, давайте уже построимся.

– А ты кто такая, чтобы приказывать: «давайте построимся»? – заворчал Гуляш. – Ты разве вожак, ты, крысявка, которая, видите ли, со мной рллк не изволит? Нет! Вожак – я. И это мое дело – говорить «давайте построимся»!

– Да, сэр, – откликнулась Персики, припадая к самой земле. – И как вы хотите, чтобы мы построились, сэр?

Гуляш воззрился на нее. Потом обвел взглядом застывших в ожидании крыс с мешками и тюками, затем старый подвал – и опять обернулся к распластавшейся по земле крысе по имени Персики.

– Ну... просто постройтесь как-нибудь, – пробурчал он. – Не приставайте ко мне по пустякам! Вожак – я! – И он удалился в тень.

Когда он ушел, Персики и Фасоль Опасно-для-Жизни оглядели подвал, заполненный трепещущими тенями – порождениями свечного пламени. По одной покрытой налетом стене сбегала струйка воды. Тут и там вывалились камни, оставив многообещающие дыры. Пол был земляной, и нога человека не оставила на нем следов.

– Идеальная база, – похвалил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Пахнет скрытностью и безопасностью. Превосходное прибежище для крыс.

– Точно, – раздался голос. – И знаете, что меня беспокоит?

В свет свечи вышел крыс по имени Гуталин и поддернул один из своих поясов с набором инструментов. Большинство крыс тут же обернулись к нему. Гуляша слушались, потому что он – вожак, а вот Гуталина – потому что он частенько

рассказывал то, что совершенно необходимо знать, если хочешь жить дальше. Крупный, поджарый, двужильный, он бо?льшую часть времени разбирал капканы на составные части, чтобы посмотреть, как они устроены.

- Так что тебя тревожит, Гуталин? - спросил Фасоль.

- Тут нету крыс. Никого, кроме нас. Крысиные туннели есть. А вот крыс мы не видели. Вообще ни одной. А в городе вроде этого крысы обычно кишмя кишат.

- Может, они просто нас испугались, - предположила Персики.

Гуталин потер лапой покрытый шрамами нос.

- Может, и так, - отозвался он. - Но тут пахнет каким-то подвохом. Умение мыслить - великое изобретение, но нам даны еще и носы, и стоит иногда к ним прислушиваться. Не теряйте бдительности! - Он обернулся к крысиному собранию и возвысил голос: - ОК, ребята! Все помнят, чему я вас учил! - заорал он. - Передо мной повзводно - стройсь!

И крысы тотчас же разбились на три группы. Им это труда не составило: сказались долгие тренировки.

- Очень неплохо, - похвалил Гуталин, едва последние крысы шмыгнули на свои места в строю. - Так держать! Бойцы, здесь - опасная территория, так что об осторожности попрошу не забывать...

Гуталин был уникальной крысой: он носил одежду. Ну, по крайней мере, отдельные предметы одежды.

Когда крысы открыли для себя книги - а сама идея книг большинству стариков до сих пор казалась слишком сложной, - в одной книжной лавке, куда они заходили каждой ночью, они нашли Книгу Книг.

Книга повергала в изумление.

Еще до того, как Персики и Пончик Вход научились читать человеческие слова, все изумлялись картинкам.

На картинках были изображены зверюшки в одежде. Был зайчик в синем костюмчике: он ходил на задних лапах. Был крыс в шляпе, при мече и в широком красном жилете, с часами на цепочке. Даже змея щеголяла в воротничке и в галстукe. И все они умели говорить, и никто из них не ел никого другого, и – самое невероятное во всей этой истории! – все они разговаривали с людьми, а люди обращались с ними, ну, как с людьми маленького роста. И никаких тебе капканов, никакой отравы. Допустим (если верить Персикам, которая методично продиралась сквозь книгу и иногда зачитывала вслух отрывки), Змейс Олли – тип довольно скользкий, но ведь ничего по-настоящему плохого так и не произошло. Даже когда зайчик заплутал в Темном лесу, он просто немножко напугался – вот и все.

Да, книга «Приключение мистера Зайки» стала темой бурных обсуждений среди Измененных. А для чего она, эта книга? Может быть, как считал Фасоль Опасно-для-Жизни, это – видение светлого будущего? Неужели ее написали люди? Да, безусловно, лавка была человеческая, но ведь даже люди вряд ли способны сочинять книгу про крысу по имени Крысик Кристофер, который ходит в шляпе, и в то же время травить крыс под половицами. Или все-таки способны? Ведь так мыслить могут только психи, верно?

Кое-кто из крыс помоложе предположил, что, вероятно, одежда куда важнее, чем всем казалось. Они попытались носить жилеты, но выгрызть выкройку оказалось очень непросто, пуговицы не слушались, и, если уж совсем честно, эти штуковины цеплялись за все, что попало, – так что в них особо не побегаешь. А шляпы просто-напросто сваливались с головы.

Гуталин и впрямь считал, что все люди – психи, в придачу к тому, что все они – зло. Но картинки в книге навели его на мысль. И теперь носил он не столько жилет, сколько целую конструкцию из сплетенных вместе широких поясов и ремней: в такую несложно влезть, и вывернуться из нее тоже несложно. На пояса крыс нашёл карманы, и эта идея оказалась чрезвычайно удачной: все равно что обзавестись лишними лапами, чтобы удерживать в них все нужное, вроде металлических прутьев и кусочков проволоки. Кое-кто из его взвода перенял идею. Ведь в команде по обезвреживанию капканов никогда не знаешь, что тебе понадобится в следующий момент. Жизнь – борьба, для крыс – в самый раз.

Гуталин расхаживал взад-вперед перед своими подразделениями – только пруты и проволочки в карманах позвякивали. Вот он остановился перед многочисленной группой крыс помоложе.

– Итак, взвод № 3, вы назначены в наряд на гадство, – объявил он. – Ступайте напейтесь как следует.

– Оххх, ну почему нас вечно ставят гадить? – пожаловался какой-то крысенек.

Гуталин прынул к крысенку и придвинулся к нему нос к носу: тот аж попятился.

– Это потому, что у тебя так здорово получается, юноша! Талант гадить ты впитал с молоком матери, так что ступай и делай то, к чему ты предназначен самой природой! Ничто не вызывает у людей такой гадливости, извини за каламбур, как следы пребывания крыс, если понимаешь, к чему я! А если подвернется возможность, так и погрызом займитесь! А еще побегайте под половицами да попищите погромче! И помните – никто чтоб с места не стронулся, пока капканная команда не объявит: путь свободен. А теперь – к воде, бегом марш! Гоп, гоп, гоп! Ать-два, ать-два, ать-два!

И взвод со всех лап кинулся исполнять приказ.

А Гуталин оборотился ко взводу № 2. В его состав входили крысы постарше, все покрытые шрамами, покусанные, потрепанные, у кого-то от хвоста остался лишь жалкий обрубок или вообще ничего; у кого-то не хватало лапы, уха или глаза. Всего их насчитывалось около двадцати, но, по правде сказать, в общем и целом запчастей у них набралось бы примерно на семнадцать полноценных крыс.

Но они были стары, а значит, хитры: крыса, которая не хитра, не пронырлива и не подозрительна, до старости не доживает. Этим крыс разумность постигла, когда они уже выросли и заматерели. Они предпочитали держаться старых добрых обычаев. Гуляш всегда говорил: так и надо! В них еще оставалось немало от первобытной крысиной сути, та дремучая хитрость, что вызовет из ловушки, куда тебя загнала не в меру разыгравшаяся разумность. Эти крысы думали носами. И уж им-то не нужно было объяснять, где нагадить.

– Итак, ребята, вы помните, что делать, – объявил Гуталин. – И смотрите, побольше нахальства. Тырьте жратву из кошачьих мисок и пирожки из-под

самого кухаркиного носа...

- ...Вставную челюсть у старика изо рта, - подсказал щуплый крыс, пританцовывая на месте. Лапки его непрерывно двигались, выбивая ритм на земляном полу. И он тоже щеголял в головном уборе: в потрепанной, самодельной соломенной шляпе. Ему единственному удалось справиться с этой штуковиной, насадив ее на уши. Он говорил: чтоб продвинуться в жизни, шляпа совершенно необходима.

- Это, Сардины, тебе просто свезло. Держу пари, тебе такого фокуса не повторить, - ухмыльнулся Гуталин. - И не вздумай травить мальчикам байки о том, как ты нырнул поплавать к кому-то в ванну. Да, я знаю, все так и было, но мне не хотелось бы кого-нибудь потерять: ведь выкарабкаться наружу по скользким стенкам не все способны. Как бы то ни было... если через десять минут дамы не повыбегают из кухонь с громким визгом, я пойму, что сильно в вас ошибался. Ну? Что стоим, чего ждем? Вперед, и с песней! И... Сардины?

- Да, босс?

- Не слишком там увлекайся этой своей чечеткой, ладно?

- Так у меня ноги сами в пляс идут, босс!

- И так ли тебе надо вечно носить эту дурацкую шляпу? - снова усмехнулся Гуталин.

- Так точно, босс!

Сардины был из числа крыс постарше, но об этом мало кто догадывался. Он шутил, плясал и никогда ни с кем не дрался. Он вырос в театре и однажды сожрал целую коробку грима. И грим, по-видимому, впитался в его плоть и кровь.

- И чтоб не лез вперед капканной команды! - напомнил Гуталин.

- Эх, босс, уж прям и поразвлечься нельзя? - ухмыльнулся Сардины. И, приплясывая, поспешил вслед за остальными к дырам в стенах.

А Гуталин перешел ко взводу № 1. Самому немногочисленному. Редкая крыса способна долго продержаться в команде Обезвреживания Капканов. Только та, которая неспешна, терпелива и дотошна. Та, что обладает хорошей памятью. Та, что соблюдает осторожность. Нет, во взвод, конечно, принимали и беспечных, невнимательных торопыг. Только они почему-то быстро заканчивались.

Гуталин оглядел взвод и улыбнулся. Этими крысами он гордился.

– Ладно, ребята, вы уже и без меня все знаете, – промолвил он. – Вам длинную лекцию читать незачем. Просто помните, что мы – в новом городе и понятия не имеем, что нас ждет. Здесь наверняка полным-полно капканов новых моделей, но мы быстро учимся, правда? Отрава опять же. Здесь могут пользоваться ядами, с которыми мы прежде не сталкивались, так что вы там поосторожнее. Не спешить, не бежать. Мы ведь не хотим быть первой мышью, а?

– Нет, Гуталин! – послушно отозвались крысы.

– Я сказал, какой мышью мы быть не хотим?

– Мы не хотим быть первой мышью! – грянул дружный хор.

– Точно! А какой мышью мы хотим быть?

– Второй мышью, Гуталин! – откликнулись крысы. Этот урок в них вбивали раз за разом.

– Точно! А почему мы хотим быть второй мышью?

– Потому что второй мышши достается сыр, Гуталин!

– Молодцы! – похвалил Гуталин. – Врасоле возглавит второй взвод... Срок-Хранения? С повышением тебя, ты поведешь третий взвод, и надеюсь, ты окажешься таким же мастером своего дела, каким была добрая старая Недвижимость – ну, то есть пока не позабыла, как отжимать спусковой рычаг «Крысобоя» № 5 фирмы «Сниппет и Полсон»! Самонадеянность – наш главный враг! Так что, если вдруг завидите что-то подозрительное, какие-нибудь незнакомые лоточки, что-нибудь с проволочками, пружинками и все такое,

примечайте место и шлите ко мне гонца – ясно?

Юная крыска подняла лапку.

– Да? Как твое имя... мисс?

– Эгм... Питательная, сэр, – представилась крыска. – Эгм... а можно вопрос, сэр?

– Ты, никак, в этом взводе новичок, Питательная? – уточнил Гуталин.

– Так точно, сэр! Переведена из Легкого Гадства, сэр!

– Ага, там, значит, решили, что у тебя хорошо получится обезвреживать капканы?

Питательная явно смутилась, но отступить было некуда.

– Эгм... не совсем так, сэр. Мне сказали, у меня так плохо получается гадить, что в любом другом деле хуже уже не будет – некуда!

В строю послышался дружный смех.

– Чтобы у крысы да не получалось гадить? – удивился Гуталин.

– Просто это... это... это так неприлично, сэр, – пролепетала Питательная.

Гуталин вздохнул про себя. Все это новое мышление порождало разные странности. Концепцию Нужного Места, то есть нужника, лично он вполне одобрял, но детишкам порою приходили в голову идеи... мягко говоря, странные.

– Ладно, – кивнул он. – Так что у тебя за вопрос, Питательная?

– Эгм... вы сказали, второй мышке достается сыр, сэр?

– Точно! Это девиз взвода, Питательная. Запомни его хорошенько. Он твой лучший друг!

– Да, сэр. Запомню, сэр. Но, сэр... а разве первой мыши совсем ничего не достается?

Гуталин пристально воззрился на крыску. Она выдержала его взгляд, не съездившись от страха, – и Гуталин это оценил.

– Вижу, ты окажешься ценным пополнением для взвода, Питательная, – промолвил он. И снова возвысил голос: – Взво-о-од! Что достается первой мыши?

Голоса громыхнули так, что с потолка посыпалась пыль:

– Капкан!

– И не забывайте об этом! – рявкнул Гуталин. – Спецпредложение, веди ребят! Я догоню вас через минуту.

Молодой крыс выступил вперед и развернулся лицом к строю.

– Крысы, за мной! Ать-два, ать-два!

Капканные взводы затрусили прочь. Гуталин отошел к Фасоли Опасно-для-Жизни.

– Ну что ж, пошло-поехало, – промолвил он. – И если к завтрашнему дню человеки не кинутся искать хорошего крысолова, значит, мы в своем деле ни черта не смыслим.

– Нам придется задержаться здесь чуть подольше, – вмешалась Персики. – Нескольким дамам подошел срок произвести на свет малышей.

– Я ж говорю, мы еще не знаем, насколько здесь безопасно, – вскинулся Гуталин.

– Тогда, может, ты сам скажешь об этом Большим Скидкам? – ласково осведомилась Персики. Все сходились на том, что у Больших Скидок, старой крысы-матриарха, зубы острее кирки и каменные мускулы. А еще ее ужасно раздражали мужики, в смысле крысы-самцы. Когда она бывала не в настроении

даже Гуляш предпочитал с ней не связываться.

– С Природой, понятное дело, не поспоришь, – быстро пошел на попятную Гуталин. – Но мы еще даже не осмотрелись толком. Наверняка тут должны быть и другие крысы.

– Да ладно, киикики сами стараются держаться от нас подальше, – отмахнулась Персики.

Гуталин был вынужден согласиться. Обыкновенные крысы и впрямь обходили Измененных стороной. Ну да, стычки порою случались, но Измененные были крупными, здоровыми и в ходе драки умели продумывать каждый шаг. Это очень удручало Фасоль Опасно-для-Жизни, но, как говаривал Гуляш, либо мы, либо они, и, если уж в корень глядеть, так уж мир устроен: крыса жрет крысу...

– Пойду догоню свой взвод, – промолвил Гуталин, все еще поеживаясь при мысли о необходимости объясняться с Большими Скидками. Он шагнул чуть ближе. – Что такое творится с Гуляшом?

– Его... одолевают мысли, – объяснила Персики.

– Мысли, значит, – озадаченно повторил Гуталин. – А. Ладно. Ну, пойду капканами займусь. Еще обнюхаемся!

– А в самом деле, что не так с Гуляшом? – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни, когда они с Персиками снова остались одни.

– Он стареет, – объяснила Персики. – Он все чаще нуждается в отдыхе. И, как мне кажется, он опасается, что Гуталин или кто-нибудь еще бросит ему вызов.

– А они бросят, как думаешь?

– Гуталин больше увлечен разборкой капканов и тестированием ядов. Сейчас у нас есть множество куда более интересных занятий, нежели кусать друг друга.

– Или заниматься рлк, как я слышал, – отозвался Фасоль.

Персики смущенно потупилась. Если бы только крысы умели краснеть, она бы залилась румянцем. Просто удивительно, как подслеповатые розовые глазки, которые тебя едва различают, тем не менее способны видеть тебя насквозь.

– Дамы сделались куда разборчивее, – прошептала она. – Они ищут отцов с мозгами.

– Вот и славно, – одобрил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Нам нужно быть осторожнее. Нам нет нужды плодиться как крысам. Нам не обязательно полагаться на численное превосходство. Мы ведь Измененные.

Персики встревоженно глядела на него. Когда Фасоль задумывался, он словно бы всматривался в одному ему ведомый мир.

– Что на этот раз? – спросила она.

– Я вот думаю, что мы не должны убивать других крыс. Крысе не должно убивать крысу.

– Даже киикиков? – уточнила Персики.

– Они тоже крысы.

Персики передернула плечами.

– Ну так мы ж пытались с ними разговаривать, но у нас ничего не вышло. Как бы то ни было, теперь они по большей части держатся от нас подальше.

Но Фасоль Опасно-для-Жизни все вглядывался в свой незримый мир.

– Все равно, – тихо произнес он. – Мне бы хотелось, чтобы ты это записала.

Персики вздохнула, но пошла к одному из тюков, что крысы притащили с собою, и вытащила на свет свою суму. Ничего особенного, просто скатка из ткани с ручкой из обрывка веревки; но в эту суму вмещались несколько спичек, кусочки карандашного грифеля, крохотный обломок лезвия ножа, чтобы точить грифели, и грязный клочок бумаги. Все самое важное.

А еще она считалась официальным хранителем «Мистера Зайки». Ладно, не столько хранителем, сколько таскателем. Но Фасоли всегда хотелось знать, где книга: ему словно бы лучше думалось рядом с нею, книга утешала его и поддерживала, – и Персикам этого было вполне достаточно.

Она разгладила бумажный листок на обломке кирпича, взялась за грифель и проглядела весь список.

Первая Мысль была такова: «В Клане – Сила».

Перевести ее оказалось непросто, но Персики поднатужилась. Большинство крыс на человеческом языке читать не умели. Слишком трудно было усмотреть в черточках и загогулинах хоть какой-нибудь смысл. Так что Персики старательно создавала язык, на котором крысы могли бы читать.

Она попыталась нарисовать большую крысу, составленную из маленьких крыс:

Создание письменности привело к очередной ссоре с Гуляшом. Новым идеям удавалось пробиться в голову старого крыса, разве что напрыгнув с разбега. Фасоль Опасно-для-Жизни своим странно спокойным голосом объяснил, что познания каждой крысы, если их записывать, сохранятся даже после того, как сама крыса умрет. Дескать, тогда все крысы смогут постичь мудрость Гуляша. «Еще чего!» – запротестовал тогда Гуляш. На то, чтобы овладеть некоторыми известными ему хитростями, у него ушли годы! С какой стати ему отдавать все эти умения просто так, за здорово живешь? Ведь это значит, что любой крысенок будет знать не меньше его!

На это Фасоль Опасно-для-Жизни ответил: «Либо мы будем сотрудничать, либо все погибнем».

Такова была следующая Мысль. Перевести «сотрудничество» оказалось непросто, но ведь даже киикики порою поддерживают ослепшего или раненого сотоварища, а если это не сотрудничество, то что же? Жирная черта там, где Персики изо всех сил надавила на грифель, означала «нет». Изображение капкана означало «смерть», «плохо» или «не делайте так».

Последняя увековеченная на бумаге Мысль гласила: «Нельзя гадить там, где ты ешь». Ничего сложного.

Персики сжала грифель в обеих лапках и тщательно нарисовала: «Крысы не должны убивать друг друга».

Персики немного отстранилась. Да... неплохо вышло... «капкан» – хороший символ для обозначения смерти, а для пущей важности она изобразила еще и мертвую крысу.

– А если все-таки придется? – уточнила она, не отрывая глаз от рисунка.

– Значит, придется, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни. – Но все равно так нельзя.

Персики грустно покачала головой. Она поддерживала Фасоль, потому что... ну, потому что было в нем что-то такое. Он не отличался ни крупным ростом, ни проворством, он был почти слеп и совсем слаб, и порою он даже поесть забывал, увлекшись очередной мыслью, которая никому прежде в голову не приходила – по крайней мере, никому из крыс. Мысли эти по большей части ужасно раздражали Гуляша – как, скажем, в тот раз, когда Фасоль Опасно-для-Жизни спросил: «Что есть крыса?» – а Гуляш ответил: «Зубы. Когти. Хвост. Бежать. Прятаться. Жрать. Вот что такое крыса».

Фасоль сказал тогда: «Но ведь теперь мы еще и способны задаваться вопросом: «Что такое крыса?» – вот как он сказал! – А значит, мы теперь нечто большее».

«Мы – крысы, – доказывал Гуляш. – Мы бегаем туда-сюда, мы пищим, мы ворует еду, мы делаем новых крыс. Для этого мы созданы!»

«Но кем?» – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни, что привело к очередному спору по поводу доктрины о Большой Крысе Глубоко под Землей.

Но даже Гуляш следовал за Фасолью, равно как и другие крысы – такие, как Гуталин и Пончик Вход; и все они прислушивались к его словам.

А Персики, в свой черед, прислушивалась к их разговорам. «Нам даны носы», – объяснял Гуталин своим взводам. Но кто дал крысам носы? Мысли Фасоли Опасно-для-Жизни постепенно просачивались в головы его сородичей, а те и не замечали.

Фасоль придумывал новое мышление. Новые слова. Способы понимать все то, что с крысами происходит. Здоровенные крысы, крысы, покрытые шрамами, прислушивались к жалкому заморышу, потому что Изменение увело их в темноту, и, похоже, один только Фасоль понимал, куда они идут.

Персики оставила его рядом со свечой и отправилась на поиски Гуляша. Тот сидел у стены. Как большинство старых крыс, он вечно жался поближе к стенам, подальше от открытых пространств и слишком яркого света.

Его, похоже, трясло.

– С вами все хорошо? – спросила Персики.

Крыс перестал дрожать.

– Отлично, все отлично, я в полном порядке! – рявкнул Гуляш. – Прихватило меня малость, вот и все, ничего серьезного!

– Я просто заметила, что вы не пошли ни с одним из взводов, – проговорила Персики.

– Я в полном порядке! – заорал старый крыс.

– У нас в поклаже еще осталось немного картошки...

– Не нужна мне жратва! Я в полном порядке!

...А это означало, что с ним действительно что-то не так. Вот почему он не захотел поделиться своими познаниями. Ведь его познания – это все, что у него осталось. Персики знала, как крысы обычно поступают с одряхлевшим вожаком. Она следила за выражением его глаз, когда Гуталин – такой молодой и сильный – говорил со своими взводами, и понимала, что Гуляш думает о том же самом. О, на виду у всех он держался молодцом, но в последнее время все больше отдыхал да прятался по углам.

Старых крыс обычно выгоняли из стаи, они какое-то время перебивались как могли в одиночестве и постепенно сходили с ума. Вскоре появлялся новый вожак.

Персикам очень хотелось втолковать Гуляшу одну из Мыслей Фасоли Опасно-для-Жизни, но старый крыс не любил разговаривать с самками. Он вырос в убеждении, что самки – они не для разговоров.

А Мысль была такова:

Это означало: «Мы – Измененные. Мы – не такие, как Прочие Крысы».

«В приключениях главное – чтобы они не затягивались надолго, а не то, чего доброго, к обеду опоздаешь», – думал мистер Зайка.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

Глуповатый парнишка, девчонка и Морис сидели в просторной кухне. То есть парнишка сразу понял, что это кухня: выступающую часть печи с топкой увенчивала громадная чугунная плита, по стенам висели сковородки, а длинный стол был весь изрезан ножом. Вот чего здесь, похоже, не доставало, так это еды – традиционного атрибута любой кухни.

Девочка подошла к металлическому сундуку в углу и, пошарив за воротом платья, извлекла на свет огромный ключ на шнурке.

– Никому доверять нельзя, – промолвила она. – А крысы, эти гадины, крадут в сто раз больше, чем съедают.

– Не думаю, – возразил парнишка. – Самое большее в десять раз.

– А ты внезапно в крысах разбираешься? – усмехнулась девочка, отпирая металлический сундук.

– Не то чтобы внезапно, я многое узнал о них, когда... Ой! Больно же!

– Прошу прощения, – покаялся Морис. – Я тебя, кажется, случайно оцарапал? – И попытался соорудить гримасу, красноречиво говорящую: «Не будь дурнем, а?» – что для кота куда как непросто.

Девчонка подозрительно зыркнула на него и вновь отвернулась к сундуку.

– Тут есть немного молока, еще не ставшего творогом, и парочка рыбных голов, – промолвила она, заглядывая внутрь.

– Меня все устраивает, – заверил Морис.

– А как насчет твоего человека?

– А, этого? Да ему любые объедки сгодятся!

– Есть хлеб и колбаса, – сообщила девочка, извлекая молочный бидон из металлического буфета. – К колбасе мы все относимся с недоверием. Вот еще крохотный кусочек сыра, но довольно-таки антикварный.

– Наверное, нам не следует съедать вашу еду, если ее так мало, – запротестовал парнишка. – У нас есть деньги.

– О, мой отец говорит, если мы не будем гостеприимны, пострадает репутация города. Мой отец – мэр, чтоб ты знал.

– То есть он – правительство? – уточнил парнишка.

Девочка воззрилась на него.

– Да, наверное... – отозвалась она. – Хотя сформулировано странновато. На самом деле законы издает городской совет. А мэр просто управляет городом и со всеми спорит. Он, между прочим, говорит, наши пайки должны быть не больше, чем у других людей: в нынешние тяжкие времена мы должны выказывать солидарность. И без того плохо, что туристы перестали приезжать на наши горячие источники, а тут еще худшая напасть – крысы! – Девочка вытащила из огромного кухонного буфета пару блюдце. – Отец говорит, если мы все поведем себя благоразумно, то еды на всех хватит, – продолжала она. – Я считаю, это весьма похвально. Я целиком и полностью согласна. Но мне кажется, после того как ты выказал солидарность, ты имеешь право на небольшую добавку. А на самом деле мы, по-видимому, получаем чуть меньше, чем все прочие. Ты представляешь? Как бы то ни было... значит, ты в самом деле волшебный кот, да? – докончила она, наливая молоко в блюдце. Молоко не столько лилось, сколько медленно сочилось, но Морис был уличным котом, и ему случалось пить молоко с такой богатой внутренней жизнью, что того гляди само уползти попытается.

– Ага, а то ж! Конечно, волшебный, – заверил он. Вокруг его пасти обозначились желто-белые «усы». За две рыбные головы Морис готов был стать для кого угодно чем угодно.

- Думаю, ты, наверное, принадлежал какой-нибудь ведьме, которую звали Гризельда или вроде того, - предположила девочка, выкладывая рыбные головы на второе блюдо.

- Точно, Гризельда, ага, - подтвердил Морис, не поднимая головы.

- И она, скорее всего, жила в пряничном домике в самой чаще леса.

- Ага, точняк, - согласился Морис. И, не удержавшись, с ходу присочинил - ведь иначе он не был бы Морисом! - Только домик был не пряничный, а из хрустящих хлебцев, потому что ведьма сидела на диете. Гризельда, она такая - обеими руками за здоровый образ жизни.

Девочка озадаченно нахмурилась.

- Нет, сказка не так рассказывается, - возразила она.

- Простите, соврал: на самом деле домик и впрямь был пряничным, - быстро поправился Морис. Тот, кто тебя кормит, всегда прав.

- И наверняка у ведьмы были здоровенные бородавки.

- Мисс, - с искренним видом заверил Морис, - некоторые из этих бородавок обладали настолько ярко выраженным характером, что у них даже друзья завелись. Эгм... как вас звать, мисс?

- Пообещай, что не будешь смеяться?

- Ладно. - Как знать, может, еще рыбные головы найдутся.

- Меня зовут... Злокозня.

- А!

- Что, уже смеешься? - угрожающе произнесла девочка.

- Нет, - недоуменно отозвался Морис. - С какой бы стати?

- То есть ты не считаешь, что это нелепое имя?

Морис перебрал в памяти знакомые имена: Гуляш, Фасоль Опасно-для-Жизни, Гуталин, Сардины...

- А что такого, имя как имя, - откликнулся он.

Злокозня снова подозрительно зыркнула на него, но тут же переключилась на парнишку, который сидел себе со счастливой, отрешенной улыбкой - так он обычно улыбался, когда не находил, чем еще заняться.

- А у тебя-то имя есть? - спросила она. - Ты, случайно, не третий и младший сын какого-нибудь короля, а? Если твое имя начинается с «принц», это почти наверняка ключ к разгадке.

- Мне кажется, меня зовут Кийт, - отозвался парнишка.

- Ты не говорил, что у тебя есть имя! - удивился Морис.

- Так меня никто и не спрашивал.

- Кийт - имя не многообещающее, - нахмурилась Злокозня. - В нем не ощущается никакой тайны. Ощущается просто Кийт - и все. А ты уверен, что это твое настоящее имя?

- Так меня называли.

- Ага, вот это уже ближе к истине. Легкий намек на тайну, - внезапно заинтересовалась Злокозня. - Как раз достаточно для создания интриги. Тебя наверняка похитили во младенчестве. Скорее всего, ты и впрямь законный король какой-нибудь страны, но злодеи нашли кого-то очень похожего на тебя и подменили младенца. В таком случае у тебя должен быть волшебный меч, только волшебным он, конечно же, не выглядит, сам понимаешь, - до тех пор, пока тебе не придет срок явить свою истинную суть. Тебя, наверное, нашли на крыльце.

- Да, все так, - подтвердил Кийт.

- Вот видишь? Я всегда права!

Морис всегда бдительно отслеживал, чего людям нужно. Он нутром чувствовал: Злокознии нужен кляп. Но он впервые слышал, чтобы глуповатый парнишка рассказывал что-либо о себе.

- А что ты делал на крыльце? - любопытно спросил кот.

- Не помню. Агукал, наверное, - предположил Кийт.

- Ты ничего нам не говорил, - упрекнул Морис.

- А разве это важно? - пожал плечами парнишка.

- А в корзиночке рядом с тобою наверняка лежал волшебный меч, или, может, корона. А еще у тебя есть загадочная татуировка или родимое пятно странной формы, - продолжала Злокозния.

- Не думаю. Никто и никогда ни о чем таком не упоминал, - возразил Кийт. - Там лежал только я и еще одеяльце. И записка.

- Записка? И это, по-твоему, не важно?!

- В записке говорилось: «девятнадцать пинт и клубничный йогурт», - сообщил Кийт.

- А! От такой записки толку мало, - покачала головой Злокозния. - Но почему девятнадцать пинт молока?

- Меня нашли на крыльце Гильдии Музыкантов, - объяснил Кийт. - А Гильдия очень большая. Вот про клубничный йогурт ничего не знаю.

- Найденыш и сирота - это очень хорошо, - похвалила Злокозния. - В конце концов, из принца может вырасти только король, а из загадочного сироты - кто

угодно. Скажи, тебя били, морили голодом и запирали в чулан?

- Да вроде нет, - Кийт посмотрел на девочку как-то странно. - В Гильдии все были очень добры. Там ведь по большей части приятные люди. Они меня многому научили.

- У нас тут тоже есть Гильдии, - сообщила Злокозня. - Они учат мальчиков на плотников, каменщиков и все такое.

- Гильдия научила меня музыке, - рассказал Кийт. - Я - музыкант. Причем хороший. Я сам зарабатываю себе на жизнь с шести лет.

- Ага! Загадочный сирота, необычный талант, тяжелое детство... вот все понемногу и складывается, - подвела итог Злокозня. - Клубничный йогурт, по-видимому, не так уж и важен. А вдруг твоя жизнь сложилась бы по-другому, если бы йогурт был банановый? Как знать? А какую музыку ты играешь?

- Что значит какую? Музыка, она музыка и есть, - отозвался Кийт. - Музыка - она везде, если прислушаться.

Злокозня оглянулась на Мориса.

- Что, он всегда такой? - полюбопытствовала она.

- Я в жизни не слышал, чтобы он был так разговорчив, - отозвался кот.

- А вам наверняка не терпится все узнать обо мне, - предположила Злокозня. - Но вы, конечно же, слишком вежливы, чтобы приставать с расспросами.

- Само собою, - кивнул Морис.

- Что ж, вы, я полагаю, не слишком удивитесь, если я скажу, что у меня две злобные сводные сестрицы, - поведала Злокозня. - И я должна делать всю тяжелую работу по дому!

- Ну надо же, - откликнулся Морис, гадая про себя, а найдутся ли в здешних запасах еще пара-тройка рыбьих голов, а если найдутся, то стоят ли они того.

– Да-да, почти всю работу, – неохотно уточнила Злокозня. – Какую-то ее часть, во всяком случае. Представляете, меня заставляют прибираться в собственной комнате! А там ужасный беспорядок!

– Ну надо же.

– А еще это едва ли не самая маленькая спальня во всем доме. Там шкафов почти нет, а книжные полки уже просто не помещаются!

– Ну надо же.

– И все со мной невероятно жестоки. Обратите внимание, мы с вами сидим в кухне. А я – дочка мэра. Должна ли дочка мэра мыть посуду по меньшей мере раз в неделю? Я так не считаю!

– Ну надо же.

– И вы только посмотрите на эти нищенские отрепья, в которые я вынуждена одеваться!

Морис пригляделся внимательнее. В одежде он разбирался неважно. Ему вполне хватало шкурки. Но на его неискушенный взгляд, платье Злокознии выглядело как любое другое. Все вроде на месте. Никаких дыр – кроме тех трех, из которых торчали руки и голова.

– Вот тут, смотри, – и Злокозня указала на какое-то место на подоле, что, на Морисов взгляд, ничем не отличалось от остального платья. – Мне самой пришлось подшивать, представляешь?

– Ну надо ж... – Морис прикусил язык. Со своего места он отлично видел пустые полки. И, что куда важнее, отлично видел, как из трещины в ветхом потолке вниз по веревке спускается Сардины. С рюкзачком на спине.

– И в придачу ко всему именно я должна всякий день выстаивать длиннющие очереди за хлебом и колбасой... – продолжала Злокозня, но Морис вслушивался еще менее внимательно, чем прежде.

Сардины, ну кто ж еще! Идиот! Вечно лезет впереди капканного взвода! Из всех кухонь этого города ему понадобилось объявиться именно здесь! А девчонка в любой момент может обернуться – и тогда визгу не оберешься!

Причем Сардины небось решит, что это ему аплодируют. Он жил так, словно жизнь – это спектакль. Остальные крысы просто бегали туда-сюда, пищали и устраивали беспорядок, и этого вполне хватало, чтобы убедить человека: случилось крысиное нашествие. Но Сардины – о нет, Сардины на такие мелочи не разменивается! Ох уж этот Сардины с его мяурзьявым песенно-танцевальным номером!

– ...А крысы сжирают все подчистую, – рассказывала Злокозня. – А чего не сожрут, то попортят. Это просто ужас какой-то! Совет закупает еду в других городах, но там излишков тоже негусто. Нам приходится приобретать зерно и все прочее у торговцев, которые приплывают вверх по реке. Вот поэтому хлеб стоит так дорого.

– Дорого, говоришь? – откликнулся Морис.

– Мы все перепробовали: капканы, и собак, и кошек, и отраву, а крысы все равно множатся, – жаловалась девочка. – И такие хитрые сделались! В капканы больше не попадают! Ха! Я всего-то один раз получила 50 пенсов за хвост. И что толку предлагать 50 пенсов за хвост, если крысы такие ушлые? Крысоловам приходится пускать в ход все новые и новые уловки, чтобы изничтожить этих гадин – так они говорят. – За ее спиной Сардины внимательно оглядел кухню и подал знак крысам, поджидающим сверху, втянуть веревку.

– А тебе не кажется, что самое время сказать себе: прочь отсюда! – предположил Морис.

– А что это ты рожи корчишь? – осведомилась Злокозня, буравя его взглядом.

– Эгм... ну, ты ведь знаешь, бывают коты, которые все время улыбаются? Слыхала про таких? Ну а вот я странные рожи корчу, – в отчаянии импровизировал Морис. – А иногда прямо сдержаться не могу, ору: «Пошел прочь, прочь пошел!» – вот видишь, опять не сдержался. Это болезнь такая. Наверное, надо с психотерапевтом посоветоваться... ох, нет, не делай этого, только не сейчас... ой, вот оно, опять!..

Сардины выудил из рюкзака соломенную шляпу. В лапке он держал тросточку.

Номер был отменный, даже Морис с неохотой это признавал. В нескольких городах давали объявление: «требуется крысолов-дудочник» после первого же Сардиньего выступления. Крыса в сливках, крыса на крыше, крыса в заварочном чайнике – все это люди еще кое-как вытерпят, но крыса, отплясывающая чечетку, – ну нет, всему есть предел! Если ты видишь крысу, отплясывающую чечетку, – значит, у тебя большие проблемы. Морис давно прикидывал про себя, что, если бы только удалось обучить крыс еще и на баяне играть, они бы по два города в день обчищали.

Кот слишком долго глядел в одну точку не отрываясь. Злокозня обернулась и в ужасе открыла рот – Сардины как раз принялся отбивать чечетку. Рука девочки потянулась к сковородке на столе – и метнула ее с поразительной точностью.

Но Сардинам было не впервой уворачиваться от летящих сковородок. Крысы привыкли, что в них чем-нибудь да швыряются. Сковородка едва успела долететь до середины кухни, а крыс уже обратился в бегство: вот он соскочил на табуретку, затем спрыгнул на пол, шмыгнул за буфет – и тут раздалось резкое, неотвратимое, металлическое «щелк».

– Ха! – воскликнула Злокозня. Морис и Кийт испуганно вытаращились на буфет. – Одной крысой меньше! Я их терпеть не могу...

– Это Сардины, – промолвил Кийт.

– Что ты, это со всей определенностью крыса, – поправила Злокозня. – Сардины в кухню обычно не вторгаются. Ты, наверное, имеешь в виду нашествие омаров в...

– Он просто имя такое себе взял – Сардины: прочел его на ржавой консервной банке и решил, что звучит очень стильно, – вздохнул Морис, гадая, достанет ли у него мужества заглянуть за буфет.

– Он был хорошей крысой, – промолвил Кийт. – Тырил для меня книги, когда меня учили читать.

– Прости, пожалуйста, ты спятил? – уточнила Злокозня. – Он же крыса! Хорошая крыса – это мертвая крыса.

– Эй? – раздался тоненький голосок из-за буфета.

– Он никак не мог уцелеть! Капкан-то здоровущий! С во-от такими зубьями! – воскликнула Злокозня.

– Эй, кто-нибудь? Просто тросточка уже прогибается... – продолжал голос.

Массивный буфет был сделан из дерева настолько старого, что от времени оно почернело и стало прочным и тяжелым как камень.

– Это ведь не крыса сказала, нет? – заволновалась Злокозня. – Пожалуйста, заверьте меня, что крысы разговаривать не умеют!

– Вообще-то тросточка здорово прогнулась, – снова слышался чуть сдавленный голос.

Морис протиснулся в щель под буфетом.

– Я его вижу! Он заклинил тростью зубья капкана и не дает им сомкнуться! Здорово, Сардины, ты там как?

– Отлично, босс! – донеслось из темноты. – Если бы не капкан, я бы сказал, все вообще круто! А я уже упоминал, что тросточка прогибается?

– Да, было такое.

– Так вот, с тех пор она прогнулась еще больше, босс.

Кийт ухватился за угол шкафа и, крякнув, попытался его сдвинуть.

– Да он как скала! – выдохнул мальчик.

– Он битком набит посудой, – растерянно объяснила Злокозня. – Но ведь крысы на самом деле не умеют говорить, правда?

– Отойди с дороги! – заорал Кийт. Он ухватился за задний край буфета обеими руками, уперся ногой в стену и поднатужился.

Медленно, точно могучее лесное дерево, шкаф накренился вперед. Посыпалась посуда: тарелка выскользнула за тарелкой, словно кто-то картинно и хаотично сдавал дорогушую колоду карт. Некоторые даже пережили падение на пол, равно как и отдельные чашки и блюда, – когда распахнулись дверцы буфета, умножая веселье, – но это уже не имело значения, потому что мгновение спустя на них с грохотом обрушилась тяжелая деревянная громада.

Одна чудом уцелевшая тарелка покатила мимо Кийта, крутясь волчком и опускаясь все ниже с характерным для столь удручающих обстоятельств звуком «гройиуойиойиооооиннннггг!».

Кийт нагнулся к капкану и выхватил Сардины. Едва крыс оказался на свободе, как тросточка переломилась и капкан схлопнулся. В воздухе закружилась щепка от трости.

– Ты в порядке? – спросил Кийт.

– Ну, босс, все, что я могу сказать, – хорошо, что крысы исподнего не носят...
Спасибки, босс, – поблагодарил Сардины. Для крысы он был очень даже упитан, но когда его лапки пускались в пляс, он словно парил над полом, на манер воздушного шарика.

Послышалось легкое притоптывание.

Злокозня, скрестив на груди руки, мрачная как туча, переводила взгляд с Сардины на Мориса, затем на глуповатого Кийта – а затем на разор и разгром на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сперва вы размазываете масло по хлебу. Потом счищаете масло. Потом съедаете хлеб.

2

Обращение «сэр» очень трудно перевести на крысиный язык. По-крысиному слово «сэр» – это вовсе не слово; крыса просто на миг припадает к земле, давая понять, что в данный момент припавшая к земле крыса готова считать вторую крысу за главного, но и та пусть не позволяет себе лишнего.

Купить: <https://telnovel.com/terri-pratchett/izumitel-nyy-moris-i-ego-uchenye-gryzuny>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)